

торикой». Процесс усвоения ломоносовского трактата был гораздо сложнее: определения отдельных фигур и тропов создавали в своей совокупности общее представление о богатстве и разнообразии ораторских приемов. Внимательно вчитываясь в тексты речей самого Ломоносова и переведенных им античных авторов, Радищев улавливал основные теоретические принципы красноречия и творчески применял их в своей литературной практике.

Нередко Радищев употреблял риторические фигуры, предусмотренные в теории Ломоносова, но с новыми смысловыми оттенками. Так, в разделе о «фигурах предложений» много места уделялось обращению. «Сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, повелевать, сказывать, толковать, поздравлять и проч.» (Л., VII, 267). Многочисленные примеры давали образцы разных типов обращения. У Радищева эта фигура нередко приобретает функцию, не упомянутую в странном перечне Ломоносова. Радищевское обращение обличает, клеймит: «Варвар! недостойн ты носить имя гражданина» (I, 325); «Должность ли твоя людей убивать, скаредной человек?» (I, 240); «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем?» (I, 378); «Жестокосердый помещик, посмотри на детей крестьян, тебе подвластных» (I, 378). В таких обращениях, как бы ведущих лобовую атаку, проявляется тираноборческий пафос радищевского красноречия, и прием этот стал впоследствии одним из самых популярных в декабристской публицистике и поэзии.

Радищев решительно расходился с Ломоносовым, считая некоторые его рекомендации не вполне приемлемыми. В главе «О течении слова» автор «Риторики» советовал «обегать непристойного и слуху противного стечения согласных», которые «язык весьма запинают» (Л., VII, 240). Радищев считал большим достоинством «благогласие речи», отличающее «слова» Ломоносова. Однако сам писатель не стремился к этому «благогласию», напротив, он даже защищал «шероховатость» речи. В главе «Спасская Полесь» Истина предостерегает монарха от нравственного ослепления: «Все в веселом являться тебе будет виде. Уши твои невозмутятся стенами; но усладится слух сладкопением жечасно. Жертвенныя курения обыдут на лесь отверстую душу. Зязанию твоему подлежать будет всегда гладкость. Никогда пераздерет благотворная шероховатость в тебе нервов осязательности. Возтрепещи теперь за таковое состояние» (I, 253). Известное разъяснение автора по поводу «негладкости» стиха из оды «Вольность» подтверждает приведенное выше высказывание Радищева. «Шероховатость» речи отстаивается им как принцип, противостоящий традиционному стремлению к «благогласию». Участи с этим связана и чрезмерная славянизация языка «Пучешества», его затрудненный синтаксис.